

Вырезка из газеты
ЗАКАРПАТСКАЯ
ПРАВДА

г. Ужгород

18 ДЕК 1983

◆ О НОВЫХ КНИГАХ

2207

НЕ ОТВЕТ — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

КОГДА Я ДУМАЛ, как короче передать поэтическую суть новой книги Феликса Кривина «Круги на песке»¹, то остановился на этих двух однокоренных словах **ответ и ответственность**. Корень у них один, но означают они далеко не одно и то же. Как один корень у всего сущего на земле, так у каждой конкретной жизни своя особая ноша, своя особая причастность к вечно умирающим и рождающимся заново дням и ночам. И нет нигде однозначной истины, и ни наука, ни поэзия не могут нам раз и навсегда исчерпывающе ответить ни на один вопрос...

Они не способны ответить на вечные проблемы жизни.

Но способны за них ответить. Прошу простить, что позволил себе поиграть словом, — это лишь потому, что и автор книги стихов «Круги на песке» не прочь поиграть словом, но это не филологические упражнения бывшего мастера, который хотел бы позабавить нас фокусами; это взрослая игра с самим огнем слова, которое обернулось бы жестокими ожогами души, если бы поэт забыл на мгновение, что для него слово — работа, которая издала и вправду кажется притягательной игрой чувств и мыслей, а в действительности —

Натянута струна,
Плита раскалена,
Так каждый, кто при деле,
Вить должен на пределе.

Каково же дело у поэта на этой земле?

Феликс Кривин предлагает нам новую азбуку — «Азбуку таланта». Она совсем короткая, чтобы ее запомнить, — всего набего из шести букв. Так прочитаем же и запомним:

Не знает легкой участи
ТАЛАНТ.
Когда ТАЛАНТ,
в работе он —
АТЛАНТ.

Когда ж спадает
Творческий накал,
Он мучится, страдает,
Он — ТАНАЛ.

Из тех же букв,
Из тех же самых букв
Он создан для работы
и для мук.

Словом, поэт попытался ответить на вопрос, что такое талант.

А нашел не столько ответ, сколько **ответственность**.

Огромна ответственность у атлантов: держать на себе небосвод. И если они в какое-то мгновение не в силах удерживать свое небесное бремя, принятое на плечи добровольно, их ждет одна судьба — Тантала, который, разгласив высокие тайны, обрек себя на жестокую кару: стоя по шее в воде, мучиться от жажды, ибо вода отступит, как только он наклонится, чтобы напиться; над ним избойли спелых плодов, но и до них не дотянуться.

Талант — это всегда бремя. И неутоленная жажда. И неутоленный голод. Но без таланта человечеству не обойтись. И не надо его жалеть, ибо все равно сам он, если подлинный, себя не пожалеет.

Древнегреческие мифические герои, да и исторические реальные древние греки часто привлекают Феликса Кривина. Нетрудно догадаться, что и само название «Круги на песке» связано с Архимедом, который был уверен, что «...мудрость жива и в выбухих песках, А глупость мертва и в границах».

Нашим предшественникам, древним и недавним, рожденным землей и рожденным фантазией, Феликс Кривин дает труднейшие современные обязанности, как нам — обязанности будущего. И не от реальности бежит он в сказку, а сказку привносит в живую жизнь, и нет для него на свете слабых и беспомощных. У каждого есть путь от Вопроса к Ответу, но опять-таки все сводится к от-

ветственности. И на жизненном корабле, плывущем от Загадки к Разгадке, от Безумия к Мысли, от Случайности к Сущности, толпятся люди, презрев рифы, бури и подстерегающие их бездны. Но плывет с ними и человек, не верящий в чудо, — вот почему:

Если где-то они затонут,
Если к цели они не придут,
Это значит, открыл кингстоны
Человек, отвергающий чудо.

ОДИН ИЗ РАЗДЕЛОВ книги называется «Все неживое хочет жить».

Для поэта во всем заложены зачатки жизни, а потому нам нет оправданий, когда мы ищем покоя, ибо это означает добровольное умирание. Время не стоит на месте, поэтому мы, остановившись на какой-то достигнутой точке, неминуемо остаемся вне времени, а значит — вне жизни. Да, человеческие сердца утомляются и часто мечтают о покое. «Но камни в покое пребывают. А камни под ударами резца И красоту, и душу обретают».

Феликса Кривина мы знаем как художника, который всегда действовал в согласии с наукой и даже перевел немало фактов науки и ее формул на образный язык художественного мироздания. Выверена наукой и книга «Круги на песке» — об этом свидетельствует само название.

И вообще поэт любит продолжать с наукой поэтические опыты.

Что же это за поэтические опыты и ради чего?

История дает нам достоверный факт о реформе календаря в 1582 году, когда октябрьские дни с пятого по четырнадцатое были, так сказать, ликвидированы. Событие, по правде говоря, для нас не такое и значительное, пока его не исследовал поэт.

Но, возможно, в это время пятидесятилетний Монтень хотел передать восемнадцатилетнему Шекспиру кое-что из своих «Опытов», а сорокалетний Эль-Греко хотел нарисовать портрет двадцатилетнего Бэкона, чтобы оставить будущему молодость философа, не исключено, что зрелый Джордано Бруно именно тогда собирался потолковать с юным Галилеем о кострах, которые озаряют дорожки человечества, и о тех, кто восходит на эти костры, о донкихотах — это уже со своим ровесником Сервантесом. И ни одна из этих встреч не состоялась, так как дни с пятого по четырнадцатое октября были вычеркнуты из календаря.

Не лишены смысла наблюдения поэта (действительно, сколько братьев по духу в одно и то же время живут и действуют разрозненно) в стихотворении «Реформа календаря» находят неожиданное поэтическое решение — о цене времени, которая не всегда одинакова, — высшая в пору взлетов гения, когда тратит попусту время непростительно.

И еще острее, еще приближеннее к нам поэтические опыты Феликса Кривина над «сугубо числовыми измерениями времени» прозвучали в стихотворении «Годы жизни Лермонтова» (1814—1841).

Умение выявлять неожиданные связи практически не связанных в жизни явлений — одна из привилегий поэзии перед наукой. И есть еще одна привилегия, которая никак не уменьшает роль науки, по которой поэзия в общении с ней чувствовать себя не производной, а самостоятельной жизненной правдой. Чтобы доказать это на примере творчества Кривина, нам придется обратиться к разделу «Кемберлиада». Что означает само название — не станем гадать, интеллект не поможет, чтобы это узнать, придется прочитать раздел.

Произведения эти можно было бы назвать баснями, можно бы — сказками, но в них нет однозначной морали, присущей басням, нет окончательной счастливой развязки, присущей сказкам, ибо тут жизнь — не позади, она только впереди.

Концовка стихотворения, скажем, о Скреде для меня читается в контексте с другими произведениями из завершающего раздела книги «Охраняйте памятники будущему!». В этом разделе есть стихотворение «Дети играют...». Звучит оно жестоко, как укрошение сказки, если воспользоваться выражением самого автора из другого произведения. Это стихотворение о детях тех родителей, которые никогда не жили на свете, — о внуках тех, кто погиб на войне.

Убить жизнь, всего лишь одну — единственную конкретную жизнь — означает убить целые поколения жизней, замешанных природой. Последняя мировая война (верится, что она действительно последняя!) уничтожила десятки миллионов только человеческих жизней.

И от сказочного несуществующего зверя Скреды недалеко до грозной реальности, что поэт, околдованный чудом, вынужден укротить на какое-то время сказку, обнажить сердце перед будущим, чем бы оно нам ни угрожало. И все-таки он не останавливается в современности и не зовет вернуться в прошлое. Не поддается временной слабости, так как лишь вера в будущее и неуверенный полет ему навстречу творят истинную жизнь. Даже несуществующая птица Флетти, выдуманная поэтом, способна эту истину творить, если нас ведет, зовет за собой, лишь бы не раздробить ее окончательно, как не раздробляется ее тень на волнах океана и ветра, ибо жизнь — бесценный дар, и если она доверена именно тебе, принимай на себя это чудо сполна. Могло же стать иначе, но был кто-то такой на свете, кто из маленького факта сотворил тебе судьбу...

И Феликс Кривин предлагает нам факт своей биографии:

Я храню в потрепанном конверте
Документ особого значения.
Старое «Свидетельство
о смерти»
С выцветшей поправкой:
«о рождении».

Поправку сделал добрый человек, почти бог, работавший в загсе, и в трудную пору, когда в учреждении закончились лимиты на рождение, как говорит поэт, а на смерть лимиты оставались, «смерть» была заменена «рождением», траурное слово заменено торжествующим.

Автор стихотворения мог точно так же не родиться, как не родились дети, которые только в наших раздумьях, печали, воображении, случайных мыслях, играют на улице — внуки убитых на войне. Но поэт родился, вырос, и выросла с ним память — о том, что было, и о том даже, чего не было, но могло быть.

Память становится его советником. И что же она советует?

Спроси у времени совета,
Оно тебя не подведет.
Но помни, что часы поэта
Должны идти на век вперед.

В поисках будущего поэт мчится по просторам Сибири, по современному разгониному Ялуторовскому шоссе, но путь его опять-таки начинается с памяти, уже и не своей, а народной — с памяти о Сибирском тракте, на котором Устин Кармелюк встретился как-то с русскими декабристами, с памяти о Матвее Мухомове и Пушине, и о дочери Пугачева — которую не простил капитан — отец капитанской дочери, некогда отпущенной Пугачевым, и о Пе-

стеле — губернаторском сыне, именно о казненном царем Пестеле, а не о его отце, хотя стихотворение и названо «Отец Пестеля»...

РАЗДЕЛ «Сибирский мемориал» — равно как о современности, так и о прошлом, и о будущем. И «машина времени» на этот раз у Феликса Кривина не фантастическая, а вполне реальная: самолет АН-24.

Отдельно следует сказать о разделе «Фома Мюнцер». Что касается меня, то это вполне завершенная в смысле поэмы целостная вещь, которую автор все же не решает назвать поэмой и добавляет подзаголовок «Несколько эпизодов Великой Крестьянской войны». Впрочем, это произведение заслуживает отдельного разговора.

Поэма занимает около сорока страниц в книге, а в ней — и исторические картины, и конкретные образы борцов за крестьянскую свободу, как и образы душителей свободы, и яростная борьба идей, ведущаяся неустанно из века в век, и нигде от нее не скрыться. Собственно, это предвидел еще Мюнцер: «О те, которые успевают избежать и ни к чему не стремятся! Этим людям ничем нельзя помочь!»

Но такие люди становятся виновниками многих зол.

И мимо их закрытых дверей и сердец промаршируют по Германии, через почти что четыреста лет, сапоги фашиста.

Поэт видел следы этих сапог. И не в Германии — у себя дома. Пишет он о великом немецком Мюнцере и срывается на слове —

Я пишу, хоть немцы не те
Мне запомнились с детства.

Но все равно поэт стремится в своем сердце навсегда отделить слово «немец» от слова «фашист».

Обладает поэма многими другими идейными оттенками и, конечно, художественными. Но сводятся они, на мой взгляд, к интернационально-поэтической трактовке истории, как единственно надежной опоры для будущего.

Следует отметить, что даже в поэме о Мюнцере — произведении открыто публицистическом во многих моментах — с непосредственностью сверкают на многих страницах искринки счастливого юмора Феликса Кривина.

Тем более это касается других четырнадцати разделов.

Помог поэту в самовыражении, и помог талантливо своими философско-юмористическими, лирико-юмористическими иллюстрациями молодой ужгородский художник Андрей Гойда.

«Круги на песке» — счастье достижение известного писателя, в то же время — и издательства «Карпати», давшего им дорогу.

Можно было бы доискиваться в сборнике недостатков, как это принято в рецензиях. Тогда мы могли бы сказать, что книга не везде ровная, произведения, написанные раньше, уступают в ней по остроте восприятия действительности тем, что написаны в последние годы. Но не будем придирчивы к тому, что естественно в судьбе писателя: само собой разумеется, что зрелость — это не только чувства, но и чувства, вооруженные опытом.

И еще одно: «Круги на песке» — не просто сборник, а единая, цельная книга, где произведение вырастает из произведения, создавая цельный, восторженный поэтический мир.

А это в нашей литературной жизни случается не часто.

Петр СКУНЦ

¹ Феликс Кривин. Круги на песке. Книга стихов, Ужгород, «Карпати», 1983 г.